
А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова
(Москва)

«СОЦИАЛЬНАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ РИСКА» КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ¹

В статье представлен опыт социологической интерпретации понятия «социальная приемлемость риска». Обосновывается роль социологии в междисциплинарной области исследований – рискологии. Рассматривается связь социальной приемлемости риска с социологическими категориями «адаптация» и «коммуникация». Обосновывается потенциал «допустимости ущерба» различными социальными субъектами как показателя социальной приемлемости рисков.

Ключевые слова: риск, безопасность, социальная приемлемость риска, адаптационные рискованные стратегии и практики, рискованная коммуникация.

Постановка исследовательской задачи

Значимость научного дискурса, связанного с категорией «риск», очевидна и в специальном обосновании не нуждается. Риск изучается различными дисциплинами на разных уровнях анализа – от теоретико-методологического до исследовательских практик. Социологический интерес к риску как научному объекту состоит в изучении динамики его социальной сущности, функций, генезиса,

Алла Викторовна Мозговая – кандидат философских наук, заведующая сектором проблем риска и катастроф Института социологии РАН. E-mail: mozgovai@isras.ru.

Елена Викторовна Шлыкова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН. E-mail: shlykova70@yandex.ru.

¹ В статье использован ряд материалов проекта, поддержанного РГНФ; грант № 0703-00072а.

поиске поддающихся измерению социальных параметров риска, их обобщении и интерпретации. Социологические разработки имеют важное значение в управлении различными рисками с целью минимизации нежелательных последствий.

Результаты социологических исследований, посвященных *рисковой проблематике*, долгое время оставались не востребованными в управленческой практике. Масштабные аварии на крупных промышленных предприятиях (Севезо, Бхопал), в сфере ядерной энергетики (Три Майл Айленд, Чернобыль), природные катастрофы с особой остротой поставили перед мировым сообществом проблему *социальных последствий* природных и техногенных бедствий и катастроф. Стало очевидно, что концептуально программы предотвращения ущерба и посткатастрофной реабилитации территорий и населения необходимо переориентировать с идеи *абсолютной безопасности на приемлемый риск*.

В этой связи в статье рассматриваются проблемы социологической экспликации понятия «приемлемый риск», обосновывается необходимость рефлексии относительно понятия «социальная приемлемость риска», приводится интерпретация ряда эмпирических закономерностей, касающихся факторов, связанных с оценкой уровня приемлемости рисков различными социальными субъектами.

Исследования риска и управленческая практика

Термин «риск» используется как в повседневной жизнедеятельности людей, так и как научное понятие, причем в самых различных отраслях науки от математики до социологии. Прикладные исследования различных аспектов риска имеют место в психологии, экономике, страховом деле, социологии, управлении. Среди специалистов утвердилось наименование этой области исследований (подчеркнем: именно исследований, а не особой области знания, дисциплины) – *рискология*. Большинство исследователей,

пройдя через «соблазн» разработать универсальное определение риска, сошлись на признании принципиальной междисциплинарной природы риска как объекта научного изучения.

Известный шведский социолог, руководитель Центра исследований риска Стокгольмской школы экономики Л. Шоберг отмечает, что еще в 1975 г. ему предложили обобщить рискологические исследования на базе некоторой междисциплинарной концептуальной схемы – теории риска [1]. Интегрировать прикладные эмпирические исследования различных дисциплин в метатеорию риска трудно, если не невозможно, более того, – вообще непродуктивно: методологические традиции, исследовательские практики, интерпретационные модели даже таких на первый взгляд близких дисциплин, как психология и социология, существенно различаются.

Каждая научная дисциплина, проявляющая интерес к феномену риска, определяет свой специфический предмет изучения. При этом в содержание практически всех узкоспециальных определений риска включаются такие свойства, как множественность вариантов развития ситуации (альтернативность), неопределенность и вероятность нежелательных последствий.

Существуют как узкоспециальные классификации, так и попытки обосновать обобщенную классификацию рисков. Наиболее полной нам представляется схема Б. Порфирьева и А. Быкова, которые использовали в качестве критериев классификации наиболее общие, присущие всем видам риска характеристики: источники, объекты, масштабы, время, регулярность, последствия, взаимодействие, величина, свобода выбора, измеряемость [2, с. 330].

Исследования различных аспектов риска развивались в тесной связи с потребностями социальной практики и были направлены на защиту от рисков, на управление рисками с целью минимизации масштабов возможных потерь. Исследования риска первоначально охватывали ряд областей экономики, финансов, страхования. В дальнейшем с появлением сложных технических систем, несущих в

себе катастрофический потенциал, стали развиваться исследования техногенного риска для объектов ядерной и химической промышленности. Возник *традиционный (или технический)* подход, в основе которого лежит представление о риске, как «физически присущем опасным технологиям атрибуте, который может объясняться, предсказываться и контролироваться наукой, независимо от субъективных ценностей» [3, р. 381].

Суть технического (вероятностного) подхода состоит в количественной оценке вероятности определенного ущерба в координатах пространства и времени, а именно: исчисляется средняя оценка того, сколько можно ожидать в единицу времени нежелательных событий, происходящих в силу действия тех или иных причин. Вероятностный анализ риска, имеющий продолжительную историю, как научный метод зародился в рамках исследований инженерной безопасности [4], впервые был применен в 1975 г. к ситуации ядерного риска, позднее стал использоваться и по отношению к другим техногенным рискам [5]. Практическая задача технического анализа риска сводится «к нахождению пути удовлетворения потребностей с минимальным возможным ущербом» [6, с. 121], понимаемым как материальные, экономические потери и затраты. Особенностью технико-экономической оценки риска является *антиципация и обобщение* влияний и последствий. В простых случаях имеющиеся данные (статистические, экономические, медицинские и др.) проецируются в будущее, для более точной оценки риска привлекаются результаты многих наук [3]; «при этом придерживаются той точки зрения, что нежелательные последствия есть физический ущерб, нанесенный людям или экосистемам, который может объективно наблюдаться или измеряться существующими научными методами» [7, с. 83–84].

Ограничения технико-экономического подхода связаны с узким пониманием сущности ущерба, а также с тем, что распознавание и оценка рисков осуществляются людьми и не могут быть абстрагированы от их субъективных ценностей, от интересов тех

социальных групп, которые они представляют. Несколько крупных аварий в опасных отраслях промышленности и связанные с ними *экологические и социальные* проблемы выявили недостаточность технико-экономического подхода к риску и безопасности. Средние оценки вероятности, используемые в техническом и экономическом подходах, не отображают весь спектр взаимосвязей между действиями социальных субъектов и их последствиями. Сведение нежелательных последствий только к физическому, экономическому или экологическому ущербу исключает другие последствия, которые социальные субъекты могут рассматривать как нежелательные, поскольку восприятие зависит от системы ценностей и предпочтений. В большинстве ситуаций основываться на расчете статистической вероятности ущерба невозможно, поскольку статистические данные доступны не всем субъектам, а часто их вообще невозможно собрать; некоторым субъектам не хватает времени, а другим – профессиональной подготовки для того, чтобы математически оценить вероятность развития событий. Исследования показывают, что такие субъекты, как лица, принимающие решения, эксперты, население, оценивая альтернативы, определяют *субъективную вероятность* их осуществления, используя различные основания для оценки. Обобщенную социологическую классификацию таких оснований, базируясь на идеальных типах социального действия М. Вебера, разработал В.И. Зубков: целерациональные (максимизация успеха, выгоды); ценностнорациональные (ориентация на ценности); традиционные (ориентация на социальные нормы); аффективные (ориентация на достижение ситуативных потребностей) [8].

По мере того, как накапливались исследовательские данные, ограничения технического подхода в управлении рисками становились все более очевидными, а потребность практики в определенной гуманистической переориентации все более насущной. Принятая на конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. концепция устойчивого развития сместила акцент с тех-

нократической традиции в принятии решений относительно риска, т.е. с источников риска, на объекты, подвергающиеся вредному воздействию: среду обитания и население. Особую значимость приобрела такая характеристика риска, как приемлемость. *Приемлемый риск* и безопасность стали рассматриваться не только как свойства промышленных сооружений и технологий, а как определенный уровень защищенности населения и среды обитания от вредных воздействий различных источников, позволяющий поддерживать устойчивое развитие мирового сообщества, отдельного государства, региона или социального субъекта. Последнее делает очевидным не только необходимость *«человеческого измерения»* в исследованиях и управлении рисками, но более того: «он [человек] должен доминировать (в смысле объекта безопасности) и задавать ограничения... для всей процедуры анализа» [9, с. 4].

Решение этой задачи потребовало и в исследовании и в управлении риском перехода от традиционно применяемой оценки риска в природно-техногенной сфере к *«оценке социально-экономического или интегрального риска»* для жизни и здоровья людей и устойчивости хозяйственных объектов [10, с. 33–34]. Основным показателем «интегрального риска» исследователи считают оценку «ожидаемого ущерба». Такая оценка должна включать в себя не только поддающиеся исчислению показатели риска, разработанные в рамках технического подхода, но и показатели, базирующиеся на субъективных оценках экспертов, населения, лиц, принимающих решения. Тогда *приемлемость* как показатель *промышленной безопасности* уравнивается *социальной приемлемостью риска*. Социальная приемлемость рисков складывается из оценок допустимости ущерба различного типа, которые дают социальные субъекты, включенные в конкретную рисковую ситуацию, для которой необходимо наличие *источника* риска и *уязвимости* (незащищенности) среды обитания и населения.

Социальная приемлемость риска

Управление риском в «обществе риска» есть субъект-субъектная коммуникация, а приемлемость риска имеет социальные, равно как и психологические координаты. Критерии выбора, оценки, действий в условиях риска носят скорее *качественный*, чем количественный характер, специфичны для различных социальных субъектов. Эта специфика определяется как нормами, ценностями, жизненными стратегиями, статусными, демографическими различиями, мировоззренческими особенностями этих социальных субъектов, так и сущностью того этапа исторического развития, который переживает то или иное общество.

Важнейшими характеристиками социальных субъектов, помимо социально-статусных параметров, являются *субъективное позиционирование и реальное положение* относительно рисков: производитель, потребитель, носитель, так как «риск *субъективен* как *результат деятельности* одних субъектов социального взаимодействия и *объективен* как некое *условие жизни* других индивидов, становящихся его жертвами» [11, с. 102].

В рамках любого социального процесса субъекты, выполняя свои функции, выступают по отношению друг к другу в роли «производителей» и «потребителей» рисков. *Производители* риска принимают решения, не учитывающие уязвимость (собственную или других субъектов) к неблагоприятным воздействиям и возможность (реальную или потенциальную) нанесения ущерба себе или другим субъектам. *Потребителями* риска выступают субъекты, на которых распространяется принятое решение. *Носителями* риска являются субъекты – источники возможного ущерба, не принимающие самостоятельных решений в ситуации риска. В повседневной жизни эти «идеальные типы» переплетены, тем не менее их идеализация, абстрагирование дает возможность более четко выявить сущность социальной приемлемости риска.

Риск представляет собой продукт взаимодействия субъекта и среды его обитания: природной, техногенной, социальной. Человеческая деятельность и социальные изменения постоянно модифицируют социальный, институциональный, групповой, личностный уровень уязвимости, вынуждая как субъекта, так и среду к поиску продуктивных моделей и способов взаимной *адаптации* для достижения приемлемого уровня риска на тот или иной период времени.

Адаптация к ситуации риска (рисковая адаптация) различается для производителей и потребителей риска. Если субъект производит риск или сознательно осуществляет рискованное поведение в ходе реализации собственной жизненной стратегии в расчете на выигрыш, достижение в той или иной сфере деятельности, то риск является внутренней характеристикой субъекта и в ряде случаев может рассматриваться как адаптационный ресурс. Для потребителей риска адаптация к нему приобретает *вынужденный* характер и означает фактически поиск стратегии выживания в ситуации, характеризующейся наличием внешней опасности по отношению к этому субъекту.

Центральным элементом адаптации выступает ее *цель*, в которой «выражается стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой» [12, с. 18–19]. В ситуации вынужденного риска целями адаптации могут быть, например, принятие риска, стремление к его снижению или редуцированию, избегание риска.

В соответствии с той или иной целью строится *адаптационная стратегия*. В самом общем понимании существуют две стратегии адаптации – *активная и пассивная*. Активная стратегия предполагает стремление субъекта изменить среду, пассивная – следовать жизненным обстоятельствам. Активная стратегия в ситуации риска означает стремление снизить риск или избежать опасной среды, пассивная – принять риск.

Адаптационные стратегии реализуются посредством различных *способов адаптации*. Как для активной, так и для пассивной стратегии существует собственный набор различных способов

адаптации. Активная адаптационная рисковая стратегия предполагает борьбу за снижение или редуцирование риска, а также выход из опасной среды («борюсь/устраняюсь»). Пассивная – принятие риска в надежде на то, что ситуация разрешится сама собой или вследствие неверия в возможность устранения проблемы в принципе («терплю/смирюсь»).

Совокупность (комбинация) способов адаптации, реализуемая субъектом в рамках выбранной адаптационной стратегии, представляет собой *адаптационную практику*.

Индивидуальные суждения о приемлемости риска можно рассматривать как декларируемые *адаптационные рисковые стратегии*, а реальные или вербальные действия – как реальные или вербальные *адаптационные рисковые практики*. Социальная приемлемость на уровне социальной общности (вплоть до общества в целом) представляет собой продукт согласования позиций *субъектов ситуации риска* по поводу уровня, приемлемого в определенный период, в конкретной ситуации. Таким образом, социальная приемлемость риска представляет собой результат процесса адаптации, понимаемой как «гармонизация отношений между адаптантом и социальной средой» [12, с. 15]. Механизм согласования позиций для определения социально приемлемого уровня риска среди рискологов и риск-менеджеров получил наименование *рисковой коммуникации*¹. Коммуникация в этом контексте понимается более широко, чем обмен информацией, а именно как процесс социального общения, взаимодействия субъектов социального действия, сущностью которого является предотвращение или минимизация ущерба. Рисковую коммуникацию мы определяем как процесс целенаправленного общения социальных субъектов для выработки решений относительно управления рисками и проектирования реализации этих решений.

¹ Подробно сущность рисковой коммуникации и ее социологическое обеспечение рассматривается в статье [13].

Приемлемость риска преимущественно определяют социальные институты, а ущерб несут конкретные люди, не имеющие возможности влиять на их решения. Если риск понимать как продукт взаимодействия таких социальных субъектов, как население, институты управления, средства массовой коммуникации, наука, индустрия, а также принять во внимание, что оценка приемлемости риска каждым из этих субъектов соответствует специфическим представлениям о природе и обществе, сформировавшимся в «микромирах» этих субъектов, то *социальную приемлемость риска* имеет смысл искать в сфере пересечения этих «микромиров». Наиболее продуктивным способом согласования интересов субъектов, включенных в ситуацию риска, является рискованная коммуникация, которая тем успешнее, чем больше надежной информации о позициях и аргументах сторон.

Эмпирическая социология о факторах приемлемости риска

Результаты эмпирических социологических и психометрических исследований предоставляют, как правило, данные о факторах, связанных с восприятием различных рисков [7; 14; 15; 16; 17; 18]. Основным методическим приемом в большинстве исследований выступает ранжирование разных видов рисков по степени их опасности для здоровья индивида. Возможны и другие основания ранжирования, например, опасность для населения страны. Рискологи, опираясь на данные массовых и экспертных опросов, выявили некоторые эмпирические закономерности. Например, зафиксированы два фактора: первый составляют риски, которые населением рассматриваются как навязанные, неизвестные, высоко катастрофичные, продукты технологического развития; второй – риски по критерию информированности о природе их возникновения и воздействия на общество.

Другая важная эмпирическая закономерность состоит в том, что население и эксперты-специалисты по-разному ранжируют

риски. Кроме того установлено, что женщины выше оценивают опасности, связанные с технологиями, чем мужчины. Низкий уровень образования и финансового положения, небольшой размер территориального сообщества, низкая квалификация труда обуславливают высокую оценку рисков. Был также обнаружен интересный феномен, названный *«оптимистическим предубеждением»* (**optimistic bias**): **ниже оцениваются все показатели рисков для себя и выше – для других, всего населения.** Дальнейшие исследования, правда, показали, что в сообществах, расположенных в непосредственной близости от химических предприятий, это «оптимистическое предубеждение» не наблюдается, по крайней мере, по отношению к технологическим рискам [19; 20].

Согласованность групповых оценок, как показывают исследования, также выше по отношению к рискам «для других» по сравнению с рисками «для себя». Так в одном из отечественных исследований [21, с. 256] характера ранжирования технологий по степени риска авторы оценили степень согласованности мнений респондентов. Оказалось, что наибольшая согласованность наблюдается при упорядочении различных технологий по степени выгоды для общества; наименьшая – при ранжировании технологий по степени индивидуального риска.

Результаты исследований Центра изучения риска Стокгольмской школы экономики в дальнейшем показали, что на характер оценок (рейтинги) рисков влияют такие социальные показатели, как моральные ценности, доверие властным структурам, отсутствие антагонизма и наличие общих целей у социальной группы. В более поздних исследованиях удалось получить уточнения: доверие населения экспертам, организациям, социальное доверие вторично по сравнению с верой (доверием) в науку; оценки экспертов обусловлены не уровнем их знаний, а мерой ответственности; оценки тех, кто принимает решения относительно управления рисками, ближе к оценкам населения, а не экспертов [17].

Приходится констатировать, что рейтинги рисков коррелируют скорее с воспринимаемой *вероятностью ущерба*, а не с *тяжестью последствий*. Приоритеты же в программах предотвращения бедствий, кризисов, катастроф базируются на оценке тяжести их последствий. Кроме того, нет прямой связи между индивидуальным восприятием риска и управлением риском на социальном уровне. Это необходимо учитывать в процессе выработки решений в ситуациях риска.

Очевидным к настоящему времени в сообществе рискологов признан тот факт, что рейтинги фиксируют скорее *уровень тревожности*, а не установку относительно принятия того или иного риска. В этой связи значимым информационным потенциалом для обоснования социальной приемлемости рисков обладает, на наш взгляд, такой показатель, как оценка допустимости ущерба различного типа, которая, безусловно, не является единственным показателем вида риска. Тем не менее, эмпирическое знание о связи оценок допустимости различных типов ущерба и ряда социально-демографических показателей представляет как познавательный, так и практический интерес.

Исследовательская база данных сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН позволяет проанализировать позиции респондентов относительно допустимости рисков на массиве данных опроса населения по общероссийской выборке¹.

Респондентам предлагалось высказаться по поводу того, насколько допустима угроза (допустима/допустима при определенных обстоятельствах/недопустима) каждого из семи типов ущерба, а именно: *материального* (потеря имущества, собствен-

¹ Исследование осуществлено в конце 2005 г. сотрудниками ИС РАН под руководством М.К. Горшкова и А.В. Мозговой совместно с Центром социального прогнозирования. Сбор данных осуществлялся на основе персонального интервью по формализованной анкете. Опрошено 3000 респондентов старше 18 лет в рамках общероссийской репрезентативной выборки.

ности); *физического* (ухудшение, утрата здоровья); *психологического* (стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией); *социального* (потеря работы, служебного положения, статуса); *духовного* (игнорирование гуманистических идеалов, обесценивание человеческой жизни); *морального* (изменение жизненного уклада, слом жизненных идеалов); *экономического* (финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений). Достаточно подробный анализ этих эмпирических данных осуществлен в работе [22]. Наиболее значимыми для наших иллюстративных целей представляются некоторые выявленные в этом исследовании эмпирические закономерности.

Наибольшее количество переменных, дифференцирующих категории допускающих и не допускающих угрозу ущерба, наблюдается по таким видам ущерба, как духовный и материальный.

Имеются явные тенденции, характерные для большинства ущербов: а) доля лиц в возрасте 60 лет и более существенно выше среди не допускающих ни один из ущербов по сравнению с допускающими; б) чем обширнее опыт потерь, тем более склонны респонденты допускать тот или иной вид ущерба; в) чем ниже социальная защищенность по таким параметрам, как бедность, бездомность, одиночество, отказ в бесплатной медицинской помощи, безработица, тем более склонны респонденты допускать большинство ущербов, кроме социального.

Выделяется ряд переменных, обладающих наибольшей дифференцирующей способностью. На первом месте – возраст, далее следуют опыт жизненных потерь и отношение к вере, затем – социальная защищенность и на четвертом месте – образование, доверие исполнительной власти и отношение к ценности человеческой жизни.

Уместно подчеркнуть, что данные относятся к «потребителям» и «носителям» риска (эти типы были введены выше), т.е. российскому обывателю. «Производители» риска в выборке не были представлены. Кроме того, в нее не входили лица моложе

18 лет, а эта категория представляет особый интерес. Эти данные соотносятся с вербальным поведением. О приемлемости же целесообразно рассуждать тогда, когда реально «сходятся» источник воздействия и объективная или субъективно воспринимаемая уязвимость (незащищенность) от этого воздействия. В таком случае оценки допустимости рисков становятся фактором, влияющим на индивидуальную и социально-групповую приемлемость рисков, которая в свою очередь обуславливает формирование тех или иных адаптационных стратегий и практик: «терплю/смиряюсь/борюсь/устраняюсь». Специфической социальной категорией, для которой ситуация выбора актуальна, являются выпускники средних школ. В одном из целевых опросов нам представилась возможность собрать информацию именно по этой категории и в ситуации наличия конкретного источника риска, способного к нанесению целого спектра ущербов. Социологическое исследование в моноиндустриальном городе с потенциально опасным производством¹, в частности, продемонстрировало следующее.

Реальные «потребители» вполне конкретного риска на пороге выбора жизненной стратегии при определенном сходстве тенденций в оценке допустимости тех или иных видов ущерба все же отличаются меньшей толерантностью, чем средний россиянин (респондент из общероссийской выборки). Этот факт фиксируется как по позиции допустимости ущербов, так и в отношении компенсаций за риск. Для значительной доли выпускников существенными мотивами смены места жительства выступают

¹ Исследование осуществлено сотрудниками ИС РАН А.Е. Курочкиной, А.В. Мозговой, Е.В. Шлыковой методом аудиторного анкетирования в общеобразовательных школах г. Электростали в 2007 г. Выборочная совокупность формировалась следующим образом: в каждом из пяти районов города из списка школ выбирались вторая и четвертая (всего 10). Опрос проводился в выпускных классах тех школ, согласие руководства которых удалось получить. Выборку составили 138 выпускников девяти классов пяти школ города.

состояние окружающей среды в городе и ее неблагоприятное воздействие на здоровье, а также высокие оценки опасности градообразующего предприятия при низком уровне доверия властям и отрицательных установках в отношении компенсации за риск. Как показало исследование, реализация важнейших жизненных ценностей – образование, работа, семья – у значительной части опрошенных выпускников ассоциируется с рисками проживания в моноиндустриальном городе с опасным производством, что в свою очередь обуславливает и характер адаптационной стратегии, а именно намерения сменить место жительства. Для этой категории недопустимость ущерба того или иного рода стала важнейшим фактором неприемлемости риска проживания в условиях потенциальной угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sjöberg L.* As Times Goes by: the Beginning of Social and Behavioral Science Risk Research // *Journal of Risk Research*. 2006. Vol. 9. P. 601–604.
2. *Быков А.А., Порфирьев Б.Н.* Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // *Проблемы анализа риска: Научный журнал*. 2006. Т. 3. № 4. С. 319–337.
3. *Bradbury J.A.* The Policy Implications of Differing Concepts of Risk. // *Science, Technology and Human Values*. 1989. Vol. 14. No. 4. P. 381–383.
4. *Otway H., Thomas K.* Reflections on Risk Perception and Policy // *Risk Analysis*. 1982. No. 2.
5. *Vesely W.E.* Robust Risk Analysis: The Need It in Nuclear Probability Risk Evaluations // *Low Probability High Consequence Risk Analysis / Ed. by R.A. Walker, V.T. Covello*. N.Y.: Plenum Press, 1984.
6. *Никитин С.М., Феофанов К.А.* Социологическая теория риска в поисках предмета // *Социологические исследования*. 1992. № 10.
7. *Ренн О.* Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // *Вопросы анализа риска*. 1999. Т. 1. № 1. С. 80–89.
8. *Зубков В.И.* Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003.
9. *Быков А.А., Мурзин Н.В.* Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы. СПб.: Наука, 1997.
10. *Порфирьев Б.Н.* Совершенствование управления региональной безопасностью в природно-техногенной сфере // *Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под ред А.В. Мозговой*. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004. С. 30–44.

«Социальная приемлемость риска» как социологическая категория

11. *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.
12. *Козырева П.М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.
13. *Мозговая А.В., Комарова В.А.* Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004. С. 143–155.
14. *Мозговая А.В.* Риск как объект эмпирической социологии: исследовательский опыт, проблемы, перспективы // Россия реформирующаяся: Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 304–316. Вып. 7.
15. *Taylor-Gooby P., Zinn J.* Current Directions in Risk Research: Reinvigorating the Social? // URL: www.britisoc.co.uk (дата обращения: 24.02.2010).
16. *Renn O.* Concepts of Risk: An Interdisciplinary Review // GAIA. 2008. No. 1. P. 50–66; No. 2. P. 196–204.
17. *Sjöberg L.* Rational Risk Perception: Utopia or Dystopia? // Journal of Risk Research. 2007. No. 9. P. 683–696.
18. *Slovic P.* The Perception of Risks. London: Earthscan, 2000.
19. *Prades-Lopez F., Martinez-Arias R., Diaz-Hidalgo M.* Social Risk Perception: Recent Findings in Spain // Risk Analysis Opening the Process: The Annual Conference. Paris; France, 1998.
20. *Мозговая А.В.* Технологический риск как компонент окружающей социальной среды: восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности // Риск в социальном пространстве. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. С. 159–180.
21. *Ларичев О.И.* Теория и методы принятия решений. М.: Логос, 2002.
22. *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Социологические детерминанты приемлемости риска // Социологические координаты риска / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2008. С. 103–124.